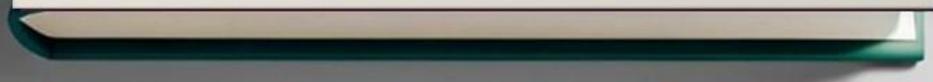

ЖАН-ПОЛЬ
САРТР

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ –
ЭТО ГУМАНИЗМ

ЖАН-ПОЛЬ САРТР

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ — ЭТО ГУМАНИЗМ

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Jean-Paul Sartre L'existentialisme est un humanisme
Жан-Поль Сартр. Экзистенциализм — это гуманизм.

Перевод с французского и пояснения Бориса Кригера.

Эссе Жана-Поля Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» (1945) — один из самых известных и доступных манифестов экзистенциалистской философии. В нём Сартр объясняет ключевые положения своей мысли: «существование предшествует сущности», человек абсолютно свободен, но потому же абсолютно ответственен, а отсутствие Бога не освобождает от морали, а, напротив, делает её делом человеческого выбора.

Текст написан как публичное выступление и сочетает философскую строгость с живой, риторически насыщенной речью. Именно эта особенность делает его трудным для точного перевода: за простотой фраз скрываются сложные онтологические предпосылки, звуковые игры, грамматические смещения.

Новый перевод с пояснениями стремится не только передать философский смысл, но и сохранить стиль, ритм и интонацию оригинала. Встроенные пояснения помогают читателю следить за ключевыми понятиями и лексическими особенностями текста, делая философию Сартра ближе и понятнее без упрощения её глубины.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	5
АД — ЭТО ДРУГИЕ	7
СУЩЕСТВОВАНИЕ ПРЕДШЕСТВУЕТ СУЩНОСТИ	16
МОЯ ВОЛЯ ОХВАТЫВАЕТ ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО	26
ТРЕВОГА И САМООБМАН	28
ЧЕЛОВЕК ОСУЖДЁН БЫТЬ СВОБОДНЫМ	36
ОТЧАЯНИЕ	43
Об особенностях перевода и судьбе текста	45

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Эссе Жана-Поля Сартра «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946) является ключевым текстом в истории философии XX века. В нём Сартр стремится опровергнуть распространённые представления о том, что экзистенциализм — это пессимистическая и нигилистическая философия. Напротив, он утверждает, что экзистенциализм — это философия свободы, ответственности и активного гуманизма.

Сартр формулирует центральный тезис экзистенциализма: «существование предшествует сущности» (*l'existence précède l'essence*). Это означает, что человек сначала существует, а затем определяет свою сущность через действия и выборы. Таким образом, каждый человек несёт полную ответственность за свои поступки и за формирование своей личности. Сартр подчеркивает, что, выбирая себя, человек одновременно выбирает образ человека вообще, поскольку каждый поступок отражает представление о том, каким должен быть человек.

Эссе также рассматривает такие ключевые понятия, как «тревога» (*angoisse*), «заброшенность» (*abandon*) и «отчаяние» (*désespoir*), которые связаны с осознанием полной ответственности за свои действия в мире без предопределённого смысла или божественного замысла. Сартр утверждает, что, несмотря на отсутствие внешних ориентиров, человек свободен и способен придавать смысл своей жизни через собственные выборы.

Новый перевод с пояснениями придаёт эссе дополнительную ценность. Встроенные пояснения

помогают читателю лучше понять сложные философские концепции и лингвистические особенности оригинального текста. Это особенно важно, учитывая, что философский язык Сартра насыщен нюансами и требует внимательного прочтения. Пояснения акцентируют внимание на ключевых терминах и фразах, раскрывая их значение в контексте экзистенциалистской философии.

Новый перевод выполнен с предельным вниманием к смысловой структуре и стилистической выразительности оригинального философского текста и стремлением сохранить литературную интонацию автора, не искажая при этом логической строгости рассуждений.

Особенность подхода данного перевода — встраивание кратких пояснений непосредственно в текст перевода. Такие вставки служат не только для прояснения трудных понятий, но и для акцентирования лексических или грамматических особенностей оригинала, играющих важную роль в философском контексте.

Фразы на языке оригинала включены для того, чтобы читатель мог ощутить структуру исходного текста и проследить игру значений, зачастую не имеющую точных аналогов в русском языке. Это также позволяет сохранить связь с традицией философского чтения на языке оригинала.

Двуязычная версия книги во всех форматах для чтения и скачивания, а также контакты переводчика, находятся на сайте <https://boriskriger.com/translations/>

АД — ЭТО ДРУГИЕ L'ENFER C'EST LES AUTRES

Quand on écrit une pièce, il y a toujours des causes occasionnelles et des soucis profonds. La cause occasionnelle c'est que, au moment où j'ai écrit *Huis clos*, vers 1943 et début 44, j'avais trois amis, et je voulais qu'ils jouent une pièce — une pièce de moi — sans avantager aucun d'eux. C'est-à-dire, je voulais qu'ils restent ensemble tout le temps sur la scène. Parce que je me disais : s'il y en a un qui s'en va, il pensera que les autres ont un meilleur rôle au moment où il s'en va. Je voulais donc les garder ensemble. Et je me suis dit : comment peut-on mettre ensemble trois personnes sans jamais en faire sortir l'une d'elles, et les garder sur la scène jusqu'au bout, comme pour l'éternité. C'est là que m'est venue l'idée de les mettre en enfer et de les faire chacun le bourreau des deux autres. Telle est la cause occasionnelle. Par la suite, d'ailleurs, je dois dire, ces trois amis n'ont pas joué la pièce, et comme vous le savez, c'est [Michel] Vitold, Tania Balachova et Gaby Sylvia qui l'ont jouée.

Когда пишешь пьесу, всегда есть случайные поводы и более глубокие заботы. Случайный повод в том, что в момент написания *За закрытыми дверями* (*Huis clos*), где-то в 1943-м и начале 44-го, у меня было трое друзей, и я хотел, чтобы они сыграли пьесу — мою пьесу — не отдавая предпочтения никому из них. То есть я хотел,

чтобы они всё время оставались вместе на сцене. Потому что я думал: если кто-то уйдёт, он подумает, что у других в этот момент роль интереснее. Так что я хотел удержать их вместе. И я сказал себе: как можно поместить троих людей вместе так, чтобы никто из них ни разу не покидал сцену, и чтобы они оставались там до конца, как бы навеки.

И вот тогда мне пришла в голову идея поместить их в ад и сделать каждого палачом для двух других. Такова случайная причина. Надо сказать, впрочем, что в итоге эти трое друзей не сыграли в пьесе, и, как вы знаете, её исполнили [Мишель] Витольд, Таня Балашова и Габи Сильвия.

(Пояснение переводчика: «mettre ensemble trois personnes sans jamais en faire sortir l'une d'elles» — «поместить троих людей вместе так, чтобы никто из них ни разу не покидал сцену». Обращает на себя внимание структура фразы с «en faire sortir», передающая представление о замкнутом пространстве как метафоре ада. Французское слово «enfer» («ад») звучит как анфэр, и оно поразительно рифмуется с выражением «en faire sortir» — ан фэр сортИ, то есть «заставить выйти». Оба оборота начинаются с одного и того же звучания — ан фэр, но ведут к противоположным смыслам: ад как замкнутое пространство, и попытка — тщетная — из него выбраться.

Эта звуковая игра делает тему замкнутости не только смысловой, но и слышимой. Язык сам создаёт ощущение безвыходности: как будто сам звук удерживает человека внутри, не давая ему вырваться наружу.)

Mais il y avait à ce moment-là des soucis plus généraux, et j'ai voulu exprimer autre chose dans la pièce que, simplement, ce que l'occasion me donnait. J'ai voulu dire « l'enfer c'est les autres ». Mais « l'enfer c'est les autres » a été toujours mal compris. On a cru que je voulais dire par là que nos rapports avec les autres étaient toujours empoisonnés, que c'était toujours des rapports infernaux. Or, c'est tout autre chose que je veux dire. Je veux dire que si les rapports avec autrui sont tordus, viciés, alors l'autre ne peut être que l'enfer. Pourquoi ? Parce que les autres sont, au fond, ce qu'il y a de plus important en nous-mêmes, pour notre propre connaissance de nous-mêmes. Quand nous pensons sur nous, quand nous essayons de nous connaître, au fond nous usons des connaissances que les autres ont déjà sur nous, nous nous jugeons avec les moyens que les autres ont — nous ont donnés — de nous juger.

Но в то же время у меня были и более общие заботы, и я хотел выразить в пьесе нечто большее, чем просто то, что подсказывала случайность. Я хотел сказать: «ад — это другие» (*l'enfer c'est les autres*). Но эту фразу всегда понимали неправильно. Думали, будто я имел в виду, что наши отношения с другими всегда отравлены, что они всегда носят адский характер. Однако я имел в виду нечто совсем иное. Я хотел сказать, что если отношения с другим искажены, испорчены, тогда другой действительно может стать адом. Почему? Потому что, в сущности, другие — это самое важное в нас самих, в нашем собственном самопознании. Когда мы думаем о себе, когда мы стараемся познать себя, в глубине мы пользуемся тем знанием, которое уже есть у других о

нас, мы судим себя теми средствами, которые дали нам другие — чтобы мы могли себя судить.

(Пояснение переводчика: «nous nous jugeons avec les moyens que les autres ont — nous ont donnés — de nous juger» — «мы судим себя теми средствами, которые дали нам другие — чтобы мы могли себя судить». Повтор и вставка подчёркивают зависимость самооценки от внешнего взгляда и придают фразе драматизм саморефлексии.)

Quoi que je dise sur moi, toujours le jugement d'autrui entre dedans. Quoi que je sente de moi, le jugement d'autrui entre dedans. Ce qui veut dire que, si mes rapports sont mauvais, je me mets dans la totale dépendance d'autrui et alors, en effet, je suis en enfer. Et il existe une quantité de gens dans le monde qui sont en enfer parce qu'ils dépendent trop du jugement d'autrui. Mais cela ne veut nullement dire qu'on ne puisse avoir d'autres rapports avec les autres ; ça marque simplement l'importance capitale de tous les autres pour chacun de nous.

Что бы я ни говорил о себе — в этом всегда присутствует суждение другого. Что бы я ни ощущал в себе — в этом всегда присутствует суждение другого. Это значит, что если мои отношения с другим дурны, я оказываюсь в полной зависимости от него, и тогда, действительно, я в аду. И существует множество людей в мире, которые пребывают в аду, потому что они слишком зависят от чужого суждения. Но это вовсе не означает, будто невозможно установить другие, иные отношения с

другими; это лишь подчёркивает первостепенную важность всех прочих для каждого из нас.

(Пояснение переводчика: «*le jugement d'autrui entre dedans*» — «суждение другого присутствует внутри». Фраза ритмически и грамматически нарушает норму, подчеркивая внедрение чужого взгляда в самость.)

Deuxième chose que je voudrais dire, c'est que ces gens ne sont pas semblables à nous. Les trois personnes que vous entendrez dans Huis clos ne nous ressemblent pas en ceci que nous sommes tous vivants, et qu'ils sont morts. Bien entendu, ici, «morts» symbolise quelque chose. Ce que j'ai voulu indiquer, c'est précisément que beaucoup de gens sont encroûtés dans une série d'habitudes, de coutumes, qu'ils ont sur eux des jugements dont ils souffrent, mais qu'ils ne cherchent même pas à changer. Et que ces gens-là sont comme morts, en ce sens qu'ils ne peuvent pas briser le cadre de leurs soucis, de leurs préoccupations et de leurs coutumes, et qu'ils restent ainsi victimes souvent des jugements qu'on a portés sur eux.

Второе, что я хотел бы сказать, — это то, что эти люди не похожи на нас. Троє персонажей, которых вы услышите в *За закрытыми дверями*, не схожи с нами в том смысле, что мы все живы, а они — мертвые. Разумеется, здесь «мертвые» — символ. Я хотел этим обозначить, что множество людей закоснели в ряде привычек, обычаяев, несут в себе суждения, от которых страдают, но даже не пытаются их изменить. И что такие люди подобны мертвецам, в том смысле, что они не

могут вырваться из рамок своих забот, тревог и обычаев и, таким образом, продолжают оставаться жертвами суждений, вынесенных о них.

(Пояснение переводчика: «encroûtés» — «закоснели». Слово происходит от «croûte» — корка, короста; оно придаёт метафоре телесную, почти омертвевшую плотность.)

À partir de là, il est bien évident qu'ils sont lâches ou méchants. Par exemple, s'ils ont commencé à être lâches, rien ne vient changer le fait qu'ils étaient lâches. C'est pour cela qu'ils sont morts, c'est pour cela, c'est une manière de dire que c'est une « mort vivante » que d'être entouré par le souci perpétuel de jugements et d'actions que l'on ne veut pas changer.

Исходя из этого, становится вполне очевидно, что они — трусы или злыдни. Например, если они начали с того, что были трусами, ничто уже не может изменить того, что они были трусами. Именно поэтому они мертвы, именно поэтому — это способ сказать, что быть окружённым постоянной заботой о чужих суждениях и поступках, которые человек не хочет изменить, — это своего рода «живая смерть».

(Пояснение переводчика: «c'est une “mort vivante”» — «это своего рода “живая смерть”». Оксюморон «mort vivante» подчёркивает состояние существования без свободы, без движения — как бы жизни после свободы.)

De sorte que, en vérité, comme nous sommes vivants, j'ai

voulu montrer, par l'absurde, l'importance, chez nous, de la liberté, c'est-à-dire l'importance de changer les actes par d'autres actes. Quel que soit le cercle d'enfer dans lequel nous vivons, je pense que nous sommes libres de le briser. Et si les gens ne le brisent pas, c'est encore librement qu'ils y restent. De sorte qu'ils se mettent librement en enfer.

Так что, в сущности, поскольку мы — живые, я хотел показать, через абсурд, важность свободы для нас, то есть значимость возможности изменять одни поступки другими. Каков бы ни был адский круг, в котором мы живём, я полагаю, что мы свободны его разорвать. И если люди не разрывают его, значит, они всё же остаются в нём свободно. Тем самым они свободно помещают себя в ад.

(Пояснение переводчика: «ils se mettent librement en enfer» — «они свободно помещают себя в ад». В выражении сохраняется структура возвратного глагола «se mettre», придающего действию субъектную инициативу — важное философское утверждение об ответственности за собственное положение.)

Vous voyez donc que «rapport avec les autres», «encroûtement» et «liberté» — liberté comme l'autre face à peine suggérée — ce sont les trois thèmes de la pièce. Je voudrais qu'on se le rappelle quand vous entendrez dire : « L'enfer c'est les autres. »

Вы видите теперь, что «отношения с другими»,

«закоснелость» и «свобода» — свобода как другая сторона, едва намеченная — это три темы пьесы. Мне бы хотелось, чтобы об этом помнили, когда вы услышите фразу: «Ад — это другие».

(Пояснение переводчика: «l'autre face à peine suggérée» — «другая сторона, едва намеченная». Эта формулировка указывает на то, что свобода, как скрытая возможность, противопоставляется открытой данности зависимости от других.)

Je tiens à ajouter, en terminant, qu'il m'est arrivé en 44, à la première représentation, un très rare bonheur — très rare pour les auteurs dramatiques — c'est que les personnages ont été incarnés de telle manière par les trois acteurs, et aussi par Chauffard, le valet d'enfer — qui l'a toujours jouée depuis — que je ne puis plus me représenter mes propres imaginations autrement que sous les traits de [Michel] Vitold, de Gaby Sylvia, de Tania Balachova et de Chauffard. Depuis, la pièce a été rejouée par d'autres acteurs, et je tiens en particulier à dire que j'ai vu Christiane Lenier, quand elle l'a jouée, et que j'ai admiré quelle excellente Inès elle a été.

Хочу напоследок добавить, что со мной случилось в 1944 году, на первом представлении, весьма редкое для драматургов счастье: персонажи были воплощены таким образом тремя актёрами, а также Шаффаром, слугой из ада — он играет эту роль с самого начала, — что я уже не могу представить себе собственные фантазии иначе, как в облике [Мишеля] Витольда, Габи Сильвии, Тани Балашовой и Шаффара. С тех пор пьеса неоднократно

ставилась с другими исполнителями, и я особенно хотел бы сказать, что видел Кристиану Ленье в этой роли и был восхищён — какой превосходной Инес она была.

(Пояснение переводчика: «*je ne puis plus me représenter mes propres imaginations autrement*» — «я уже не могу представить себе собственные фантазии иначе». Интересно, как Сартр подчёркивает взаимное влияние воображения и реального воплощения — образ творится не только автором, но и актёром.)

СУЩЕСТВОВАНИЕ ПРЕДШЕСТВУЕТ СУЩНОСТИ L'EXISTENCE PRÉCÈDE L'ESSENCE

Est-ce qu'au fond, ce qui fait peur, dans la doctrine que je vais essayer de vous exposer, ce n'est pas le fait qu'elle laisse une possibilité de choix à l'homme ? Pour le savoir, il faut que nous revoyions la question sur un plan strictement philosophique.

Qu'est-ce qu'on appelle existentialisme ? La plupart des gens qui utilisent ce mot seraient bien embarrassés pour le justifier, puisque aujourd'hui [1945], que c'est devenu une mode, on déclare volontiers qu'un musicien ou qu'un peintre est existentialiste. Un échotier de Clartés signe l'Existentialiste ; et au fond le mot a pris aujourd'hui une telle largeur et une telle extension qu'il ne signifie plus rien du tout. Il semble que, faute de doctrine d'avant-garde analogue au surréalisme, les gens avides de scandale et de mouvement s'adressent à cette philosophie, qui ne peut d'ailleurs rien leur apporter dans ce domaine ; en réalité c'est la doctrine la moins scandaleuse, la plus austère ; elle est strictement destinée aux techniciens et aux philosophes. Pourtant, elle peut se définir facilement. Ce qui rend les choses compliquées, c'est qu'il y a deux espèces d'existentialistes : les premiers, qui sont chrétiens, et parmi lesquels je rangerai Jaspers et Gabriel Marcel, de confession catholique ; et, d'autre part, les existentialistes athées parmi lesquels il faut ranger Heidegger, et aussi les existentialistes français et moi-même.

Не в том ли, в глубине, кроется страх перед доктриной, которую я собираюсь вам изложить, что она оставляет человеку возможность выбора? Чтобы понять это, надо рассмотреть вопрос на строго философском уровне.

Что вообще называют экзистенциализмом? Большинство людей, употребляющих это слово, затруднились бы с его определением, поскольку сегодня [1945 год], когда оно стало модным, уже говорят, будто музыкант или художник — экзистенциалист. Один хроникёр журнала Clartés подписывается как «Экзистенциалист»; и в сущности, слово это сегодня обрело такую широту и такое распространение, что утратило всякий смысл. Кажется, что, за неимением авангардной доктрины, подобной сюрреализму, люди, жаждущие скандала и движения, обращаются к этой философии, которая, впрочем, ничего не может им дать в этой области. На самом деле это — наименее скандальная и самая строгая доктрина: она обращена исключительно к знатокам и философам. Тем не менее, её можно определить достаточно просто. Затруднение вызывает лишь то, что есть два рода экзистенциалистов: одни — христианские, среди которых я назову Ясперса и Габриэля Марселя, исповедующего католицизм; другие — экзистенциалисты-атеисты, в число которых входят Хайдеггер, французские экзистенциалисты и я сам.

(Пояснение переводчика: «le mot a pris aujourd’hui une telle largeur et une telle extension» — «слово это сегодня обрело такую широту и такое распространение». Повтор слов с близкими значениями (largeur / extension) создаёт

эффект многословного размывания, подчёркивающий потерю смысла.)

Ce qu'ils ont en commun, c'est simplement le fait qu'ils estiment que l'existence précède l'essence, ou, si vous voulez, qu'il faut partir de la subjectivité. Que faut-il au juste entendre par là ? Lorsqu'on considère un objet fabriqué, comme par exemple un livre ou un coupe-papier, cet objet a été fabriqué par un artisan qui s'est inspiré d'un concept ; il s'est référé au concept de coupe-papier, et également à une technique de production préalable qui fait partie du concept, et qui est au fond une recette. Ainsi, le coupe-papier est à la fois un objet qui se produit d'une certaine manière et qui, d'autre part, a une utilité définie, et on ne peut pas supposer un homme qui produirait un coupe-papier sans savoir à quoi l'objet va servir. Nous dirons donc que, pour le coupe-papier, l'essence — c'est-à-dire l'ensemble des recettes et des qualités qui permettent de le produire et de le définir — précède l'existence ; et ainsi la présence, en face de moi, de tel coupe-papier ou de tel livre est déterminée. Nous avons donc là une vision technique du monde, dans laquelle on peut dire que la production précède l'existence.

То, что объединяет все направления экзистенциализма, — это, по сути, утверждение, что существование предшествует сущности, или, если угодно, что отправной точкой должна быть субъективность. Но что именно это значит?

Рассмотрим изготовленный предмет — например, книгу или нож для разрезания бумаги. Такой предмет был создан мастером, который руководствовался определённым замыслом; он имел в виду концепт ножа для бумаги, а также заранее существующую технологию производства, которая является частью этого концепта, своего рода рецептом. Таким образом, нож для бумаги — это, с одной стороны, объект, производящийся определённым способом, а с другой — вещь с определённым назначением; невозможно представить себе человека, изготавливающего нож для бумаги, не зная, для чего он предназначен.

Мы скажем, следовательно, что в случае с ножом для бумаги сущность — то есть совокупность предписаний и качеств, позволяющих его произвести и определить — предшествует существованию; именно так определена сама его реальность, его присутствие передо мной, будь то нож или книга. Это — техническое видение мира, в рамках которого можно утверждать: производство предшествует существованию.

(Пояснение переводчика: «*l'essence — c'est-à-dire l'ensemble des recettes et des qualités*» — «сущность — то есть совокупность предписаний и качеств». Сартр использует бытовой, почти кулинарный термин «*recettes*» — «рецепты», чтобы показать, что сущность технического предмета заранее задаётся и воспроизводима по схеме.)

Lorsque nous concevons un Dieu créateur, ce Dieu est assimilé la plupart du temps à un artisan supérieur ; et, quelle que soit la doctrine que nous considérons, qu'il s'agisse d'une doctrine comme celle de Descartes ou de la doctrine de Leibniz, nous admettons toujours que la volonté suit plus ou moins l'entendement, ou tout au moins l'accompagne, et que Dieu, lorsqu'il crée, sait précisément ce qu'il crée. Ainsi, le concept d'homme, dans l'esprit de Dieu, est assimilable au concept de coupe-papier dans l'esprit de l'industriel ; et Dieu produit l'homme suivant des techniques et une conception, exactement comme l'artisan fabrique un coupe-papier suivant une définition et une technique. Ainsi l'homme individuel réalise un certain concept qui est dans l'entendement divin. Au XVIIIe siècle, dans l'athéisme des philosophes, la notion de Dieu est supprimée, mais non pas pour autant l'idée que l'essence précède l'existence. Cette idée, nous la retrouvons un peu partout : nous la retrouvons chez Diderot, chez Voltaire, et même chez Kant. L'homme est possesseur d'une nature humaine ; cette nature humaine, qui est le concept humain, se retrouve chez tous les hommes, ce qui signifie que chaque homme est un exemple particulier d'un concept universel, l'homme ; chez Kant, il résulte de cette universalité que l'homme des bois, l'homme de la nature, comme le bourgeois sont astreints à la même définition et possèdent les mêmes qualités de base. Ainsi, là encore, l'essence d'homme précède cette existence historique que nous rencontrons dans la nature.

Когда мы представляем себе Бога-Творца, мы чаще всего уподобляем Его высшему мастеру; и в любой из доктрин

— будь то учение Декарта или Лейбница — предполагается, что воля в большей или меньшей степени следует за разумением, или, по крайней мере, сопровождает его, и что Бог, создавая, точно знает, что Он создаёт. Таким образом, понятие человека в уме Бога сопоставимо с понятием ножа для бумаги в уме промышленника; и Бог творит человека согласно технике и замыслу — точно так же, как мастер изготавливает нож по определению и технологии. Отсюда следует, что конкретный человек реализует некий концепт, содержащийся в божественном разуме.

В XVIII веке, в философском атеизме, идея Бога устраивается, но при этом сохраняется представление о том, что сущность предшествует существованию. Это убеждение встречается повсеместно: у Дидро, у Вольтера и даже у Канта. Человеку приписывается некая человеческая природа; эта природа — и есть человеческий концепт — в равной мере присуща всем людям, а значит, каждый человек представляет собой частный случай универсального понятия «человек». У Канта из этой универсальности следует, что и лесной дикарь, и обыватель связаны одной и той же дефиницией и обладают одними и теми же базовыми качествами. Следовательно, и здесь сущность человека предшествует той исторической данности, которую мы находим в природе.

(Пояснение переводчика: «l'homme individuel réalise un certain concept qui est dans l'entendement divin» — «индивидуальный человек реализует некий концепт, содержащийся в божественном разуме». Здесь глагол

réaliser несёт сразу два смысла — «воплощать» и «осуществлять» — подчёркивая идею о человеке как исполнителе заранее заданного плана.)

L'existentialisme athée, que je représente, est plus cohérent. Il déclare que si Dieu n'existe pas, il y a au moins un être chez qui l'existence précède l'essence, un être qui existe avant de pouvoir être défini par aucun concept et que cet être c'est l'homme ou, comme dit Heidegger, la réalité humaine. Qu'est-ce que signifie ici que l'existence précède l'essence ? Cela signifie que l'homme existe d'abord, se rencontre, surgit dans le monde, et qu'il se définit après.

L'homme, tel que le conçoit l'existentialiste, s'il n'est pas définissable, c'est qu'il n'est d'abord rien. Il ne sera qu'ensuite, et il sera tel qu'il se sera fait. Ainsi, il n'y a pas de nature humaine, puisqu'il n'y a pas de Dieu pour la concevoir. L'homme est seulement, non seulement tel qu'il se conçoit, mais tel qu'il se veut, et comme il se conçoit après l'existence, comme il se veut après cet élan vers l'existence ; l'homme n'est rien d'autre que ce qu'il se fait. Tel est le premier principe de l'existentialisme.

Атеистский экзистенциализм, представителем которого я являюсь, более последователен. Он утверждает, что если Бога не существует, то есть по крайней мере одно существо, у которого существование предшествует

сущности, — существо, которое существует прежде, чем может быть определено каким-либо понятием, и это существо — человек, или, как говорит Хайдеггер, человеческая реальность.

Что означает здесь выражение «существование предшествует сущности»? Это значит, что человек сначала существует, встречается с самим собой, возникает в мире, и лишь потом определяет себя.

Человек, как его понимает экзистенциалист, не может быть определён заранее, потому что изначально он — ничто. Он становится лишь впоследствии, и становится таким, каким он сам себя сделает. Следовательно, не существует «человеческой природы», так как нет Бога, чтобы её замыслил. Человек есть только в той мере, в какой он себя осознаёт, в какой он себя желает; и поскольку он осознаёт себя только после того, как возник, и желает себя после устремления к существованию, человек — не что иное, как то, что он из себя делает. Таков первый принцип экзистенциализма.

(Пояснение переводчика: «il se rencontre, surgit dans le monde» — «встречается с самим собой, возникает в мире». Глагол *se rencontrer* добавляет образ внезапного столкновения с самим собой, что подчёркивает неготовность, незданность человеческого существования.)

C'est aussi ce qu'on appelle la subjectivité, et que l'on nous reproche sous ce nom même. Mais que voulons-nous dire par là, sinon que l'homme a une plus grande dignité que la pierre ou que la table ? Car nous voulons dire que l'homme existe d'abord, c'est-à-dire que l'homme est d'abord ce qui se jette vers un avenir, et ce qui est conscient de se projeter dans l'avenir. L'homme est d'abord un projet qui se vit subjectivement, au lieu d'être une mousse, une pourriture ou un chou-fleur ; rien n'existe préalablement à ce projet ; rien n'est au ciel intelligible, et l'homme sera d'abord ce qu'il aura projeté d'être. Non pas ce qu'il voudra être. Car ce que nous entendons ordinairement par vouloir, c'est une décision consciente, et qui est pour la plupart d'entre nous postérieure à ce qu'il s'est fait lui-même. Je peux vouloir adhérer à un parti, écrire un livre, me marier, tout cela n'est qu'une manifestation d'un choix plus originel, plus spontané que ce qu'on appelle volonté. Mais si vraiment l'existence précède l'essence, l'homme est responsable de ce qu'il est. Ainsi, la première démarche de l'existentialisme est de mettre tout homme en possession de ce qu'il est et de faire reposer sur lui la responsabilité totale de son existence.

Это и есть то, что называют субъективностью, и именно это нам ставят в упрёк под этим самым названием. Но что мы хотим сказать этим, если не то, что человек обладает большим достоинством, чем камень или стол? Ведь мы хотим сказать, что человек существует прежде всего, то есть он есть, прежде всего, как устремление к

будущему и как осознание того, что он проецирует себя в это будущее. Человек — это прежде всего проект, который он переживает субъективно, а не пена, не гниль и не цветная капуста; ничто не существует до этого проекта; нет ничего в небе, в сфере идей, что определяло бы его; и человек будет тем, чем он себя спроектирует быть.

Не тем, чем он захочет быть. Потому что то, что мы обычно называем «хотеть», — это сознательное решение, и для большинства из нас оно является уже следствием того, кем мы себя сделали. Я могу захотеть вступить в партию, написать книгу, жениться — всё это лишь проявления более первоначального, более спонтанного выбора, чем то, что называют волей. Но если существование действительно предшествует сущности, человек ответственен за то, кем он является. Таким образом, первый шаг эзистенциализма — поставить каждого человека в полное обладание самим собой и возложить на него полную ответственность за его существование.

(Пояснение переводчика: «*l'homme est d'abord ce qui se jette vers un avenir*» — «человек есть, прежде всего, как устремление к будущему». Глагол *se jeter* («бросаться») придаёт образу динамику и риск, подчёркивая, что человек не создаёт себя спокойно, а как бы бросает себя вперёд, в ещё несуществующее.)

МОЯ ВОЛЯ ОХВАТЫВАЕТ ВСЁ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Ma volonté engage l'humanité entière

Ainsi, notre responsabilité est beaucoup plus grande que nous ne pourrions le supposer, car elle engage l'humanité entière. Si je suis ouvrier, et si je choisis d'adhérer à un syndicat chrétien plutôt que d'être communiste, si, par cette adhésion, je veux indiquer que la résignation est au fond la solution qui convient à l'homme, que le royaume de l'homme n'est pas sur la terre, je n'engage pas seulement mon cas : je veux être résigné pour tous, par conséquent ma démarche a engagé l'humanité tout entière. Et si je veux, fait plus individuel, me marier, avoir des enfants, même si ce mariage dépend uniquement de ma situation, ou de ma passion, ou de mon désir, par là j'engage non seulement moi-même, mais l'humanité tout entière sur la voie de la monogamie. Ainsi je suis responsable pour moi-même et pour tous, et je crée une certaine image de l'homme que je choisis ; en me choisissant, je choisis l'homme.

Таким образом, наша ответственность куда больше, чем мы могли бы предположить, потому что она затрагивает всё человечество. Если я — рабочий, и я выбираю вступить в христианский профсоюз, а не становиться коммунистом; если, сделав этот выбор, я хочу выразить, что смиренение — в сущности, подходящее человеку решение, что царство человеческое не на земле — то я затрагиваю не только собственный случай: я хочу быть смиренным за всех, а значит, мой поступок обязывает

всё человечество. И если я хочу, более частный пример, жениться, завести детей — даже если этот брак основан исключительно на моей ситуации, на страсти или на желании — тем самым я обязываю не только себя, но и всё человечество идти по пути моногамии. Таким образом, я несу ответственность и за себя, и за всех, и создаю определённый образ человека, которого я выбираю; выбирая себя, я выбираю человека.

(Пояснение переводчика: «*Ma volonté engage l'humanité entière*» — «Моя воля охватывает всё человечество». Французское *engager* имеет широкий смысловой спектр — от «вовлекать» и «обязывать» до «задействовать» и даже «ангажировать», в смысле — связывать себя с чем-либо. Сартр играет именно на этом множественном значении: личная воля, казалось бы, частный акт, на самом деле «ангажирует» — втягивает и обязывает — всё человечество, потому что каждый выбор человека задаёт пример и норму для других. Слово несёт в себе как нравственное обязательство, так и активное вовлечение: я не просто действую от своего имени — я действую как прообраз человека вообще.)

(Пояснение переводчика: «*je veux être résigné pour tous*» — «я хочу быть смиренным за всех». Инфинитив *être résigné* здесь несёт сразу личный и нормативный смысл — частный выбор становится всеобщим образцом.)

ТРЕВОГА И САМООБМАН

L'angoisse et la mauvaise foi

Ceci nous permet de comprendre ce que recouvrent des mots un peu grandiloquents comme angoisse, délaissémen, désespoir. Comme vous allez voir, c'est extrêmement simple. D'abord, qu'entend-on par angoisse ? L'existentialiste déclare volontiers que l'homme est angoisse.

Это позволяет нам понять, что стоит за такими несколько громкими словами, как тревога, заброшенность, отчаяние. Как вы сейчас увидите, всё это чрезвычайно просто. Итак, что подразумевается под словом «тревога» (angoisse)? Экзистенциалист охотно утверждает, что человек — это тревога.

(Пояснение переводчика: «l'homme est angoisse» — «человек — это тревога». Здесь используется предельно ёмкая конструкция с глаголом être, без всяких смягчающих оборотов: не «испытывает тревогу», а «есть тревога», что подчёркивает онтологический, а не психологический характер состояния.)

Cela signifie ceci : l'homme qui s'engage et qui se rend compte qu'il est non seulement celui qu'il choisit d'être, mais encore un législateur choisissant en même temps que soi l'humanité entière, ne saurait échapper au sentiment de sa totale et profonde responsabilité. Certes, beaucoup de gens ne sont pas anxieux ; mais nous prétendons qu'ils se masquent leur angoisse, qu'ils la fuient ; certainement, beaucoup de gens croient en agissant n'engager qu'eux-mêmes, et lorsqu'on leur dit : « mais si tout le monde faisait comme ça ? » ils haussent les épaules et répondent : « tout le monde ne fait pas comme ça. » Mais en vérité, on doit toujours se demander : qu'arriverait-il si tout le monde en faisait autant ?

Это означает следующее: человек, который действует, осознавая, что он — не просто тот, кем он решил быть, но и законодатель, одновременно с собой выбирающий всё человечество, не может избежать чувства своей полной и глубокой ответственности. Конечно, многие люди не испытывают тревоги; но мы утверждаем, что они скрывают от себя тревогу, бегут от неё. Несомненно, многие считают, что своими поступками они затрагивают лишь самих себя, и когда им говорят: «А если бы все поступали так?» — они пожимают плечами и отвечают: «Все ведь так не поступают». Но на самом деле всегда следует задаваться вопросом: что случилось бы, если бы все поступали так же?

(Пояснение переводчика: «un législateur choisissant en même temps que soi l'humanité entière» — «законодатель, одновременно с собой выбирающий всё человечество». Образ человека как законодателя отсылает к Канту:

поступок индивида становится универсальным законом — экзистенциальная этика вмещает категорический императив.)

Et on n'échappe à cette pensée inquiétante que par une sorte de mauvaise foi. Celui qui ment et qui s'excuse en déclarant : tout le monde ne fait pas comme ça, est quelqu'un qui est mal à l'aise avec sa conscience, car le fait de mentir implique une valeur universelle attribuée au mensonge. Même lorsqu'elle se masque l'angoisse apparaît. C'est cette angoisse que Kierkegaard appelait l'angoisse d'Abraham.

И избежать этой тревожной мысли можно лишь посредством своеобразной дурной веры — mauvaise foi. Тот, кто лжёт и оправдывается, говоря: «Не все ведь так делают», — это человек, которому не по себе в собственной совести, ибо сам факт лжи предполагает, что за ложью стоит некая универсальная ценность. Даже если она скрыта, тревога всё равно проявляется. Это та самая тревога, которую Кьеркегор называл тревогой Авраама.

(Пояснение переводчика: «mauvaise foi» — «дурная вера». Французское выражение буквально означает «плохая вера», но у Сартра это философский термин: сознательное самообманчивое отрицание своей свободы и ответственности.)

Vous connaissez l'histoire : Un ange a ordonné à Abraham de sacrifier son fils : tout va bien si c'est vraiment un ange qui est venu et qui a dit : tu es Abraham, tu sacrifieras ton fils. Mais chacun peut se demander, d'abord, est-ce que c'est bien un ange, et est-ce que je suis bien Abraham ? Qu'est-ce qui me le prouve ? Il y avait une folle qui avait des hallucinations : on lui parlait par téléphone et on lui donnait des ordres. Le médecin lui demanda : « Mais qui est-ce qui vous parle ? » Elle répondit : « Il dit que c'est Dieu. »

Вы знаете эту историю: ангел повелел Аврааму принести в жертву своего сына. Всё хорошо, если это действительно ангел явился и сказал: ты — Авраам, ты принесёшь в жертву своего сына. Но каждый может задаться вопросом: а точно ли это был ангел? А точно ли я — Авраам? Что мне это доказывает?

Была одна безумная женщина, страдавшая галлюцинациями: ей казалось, что с ней разговаривают по телефону и отдают приказы. Врач спросил у неё: «А кто с вами говорит?» Она ответила: «Он говорит, что это Бог».

(Пояснение переводчика: «tu es Abraham, tu sacrifieras ton fils» — «ты — Авраам, ты принесёшь в жертву своего сына». Здесь Сартр обыгрывает библейскую интонацию при прямой речи: ритм повеления, лишённый доказательств, усиливает тревогу — что, если зов — не от Бога?)

Et qu'est-ce qui lui prouvait, en effet, que c'était Dieu ? Si un ange vient à moi, qu'est-ce qui prouve que c'est un ange ? Et si j'entends des voix, qu'est-ce qui prouve qu'elles viennent du ciel et non de l'enfer, ou d'un subconscient, ou d'un état pathologique ? Qui prouve qu'elles s'adressent à moi ? Qui prouve que je suis bien désigné pour imposer ma conception de l'homme et mon choix à l'humanité ? Je ne trouverai jamais aucune preuve, aucun signe pour m'en convaincre. Si une voix s'adresse à moi, c'est toujours moi qui déciderai que cette voix est la voix de l'ange ; si je considère que tel acte est bon, c'est moi qui choisirai de dire que cet acte est bon plutôt que mauvais. Rien ne me désigne pour être Abraham, et pourtant je suis obligé à chaque instant de faire des actes exemplaires.

И действительно, что может доказать ей, что это — Бог? Если ко мне приходит ангел, что доказывает, что это ангел? А если я слышу голоса, откуда мне знать, что они идут с неба, а не из ада, или из подсознания, или из болезненного состояния? Кто докажет, что они обращены именно ко мне? Кто докажет, что я вправе навязывать человечеству своё представление о человеке и свой выбор? Я никогда не найду ни одного доказательства, ни одного знака, чтобы в этом убедиться. Если ко мне обращается голос, всегда я сам решаю, что этот голос — голос ангела; если я считаю, что какой-то поступок — добр, это я выбираю сказать, что он добр, а не зол. Ничто не указывает на меня как на Авраама, и всё же я обязан в каждый момент совершать поступки, достойные примера.

(Пояснение переводчика: «*je suis obligé à chaque instant de faire des actes exemplaires*» — «я обязан в каждый момент совершать поступки, достойные примера». Глагол *obligé* здесь не юридический, а онтологический: долг не навязан извне, а вытекает из самого факта свободы.)

Tout se passe comme si, pour tout homme, toute l'humanité avait les yeux fixés sur ce qu'il fait et se réglait sur ce qu'il fait. Et chaque homme doit se dire : suis-je bien celui qui a le droit d'agir de telle sorte que l'humanité se règle sur mes actes ? Et s'il ne se dit pas cela, c'est qu'il se masque l'angoisse. Il ne s'agit pas là d'une angoisse qui conduirait au quiétisme, à l'inaction. Il s'agit d'une angoisse simple, que tous ceux qui ont eu des responsabilités connaissent. Lorsque, par exemple, un chef militaire prend la responsabilité d'une attaque et envoie un certain nombre d'hommes à la mort, il choisit de le faire, et au fond il choisit seul. Sans doute il y a des ordres qui viennent d'en haut, mais ils sont trop larges et une interprétation s'impose, qui vient de lui, et de cette interprétation dépend la vie de dix ou quatorze ou vingt hommes. Il ne peut pas ne pas avoir, dans la décision qu'il prend, une certaine angoisse.

Всё происходит так, как будто на каждого человека взирает всё человечество, следит за тем, что он делает, и

ориентируется на его поступки. И каждый должен спрашивать себя: имею ли я право поступать так, как если бы человечество должно было следовать за моими действиями? А если он себе этого не говорит, значит, он скрывает от себя тревогу. Но речь не идёт о тревоге, которая вела бы к покою или бездействию. Это простая тревога, знакомая всем, кто когда-либо нёс ответственность.

Когда, например, военный командир принимает решение атаковать и посыпает определённое число людей на смерть — он делает этот выбор, и по сути делает его в одиночестве. Конечно, приказы приходят сверху, но они слишком общие, и потому нуждаются в интерпретации — и эта интерпретация исходит от него, а от неё зависят жизни десяти, четырнадцати или двадцати человек. Он не может не чувствовать тревоги в момент принятия этого решения.

(Пояснение переводчика: «*se réglait sur ce qu'il fait*» — «ориентировалось на его поступки». Глагол *se régler sur* буквально означает «настраиваться по образцу» — Сартр использует технико-механическую метафору, чтобы выразить моральное подражание.)

Tous les chefs connaissent cette angoisse. Cela ne les empêche pas d'agir, au contraire, c'est la condition même de leur action ; car cela suppose qu'ils envisagent une pluralité de possibilités, et lorsqu'ils en choisissent une, ils se rendent compte qu'elle n'a de valeur que parce qu'elle est choisie. Et cette sorte d'angoisse, qui est celle que décrit l'existentialisme, nous verrons qu'elle s'explique en outre par une responsabilité directe vis-à-vis des autres hommes qu'elle engage. Elle n'est pas un rideau qui nous séparerait de l'action, mais elle fait partie de l'action même.

Все командиры знают эту тревогу. Но она не мешает им действовать — напротив, она является условием самого действия; ведь тревога предполагает, что они рассматривают множество возможностей, и, выбрав одну, понимают, что она имеет ценность только потому, что выбрана. И эта форма тревоги, именно та, о которой говорит экзистенциализм, объясняется, кроме того, прямой ответственностью перед другими людьми, которую она влечёт за собой. Это не завеса, отделяющая нас от действия, а часть самого действия.

(Пояснение переводчика: «elle n'a de valeur que parce qu'elle est choisie» — «она имеет ценность только потому, что выбрана». Эта формула выражает сартровское понимание ценности как производной от акта выбора, а не от заранее данных норм.)

ЧЕЛОВЕК ОСУЖДЁН БЫТЬ СВОБОДНЫМ

L'homme est condamné à être libre

Et lorsqu'on parle de délaissé, expression chère à Heidegger, nous voulons dire seulement que Dieu n'existe pas, et qu'il faut en tirer jusqu'au bout les conséquences. L'existentialiste est très opposé à un certain type de morale laïque qui voudrait supprimer Dieu avec le moins de frais possible.

Lorsque, vers 1880, des professeurs français essayèrent de constituer une morale laïque, ils dirent à peu près ceci : Dieu est une hypothèse inutile et coûteuse, nous la supprimons, mais il est nécessaire cependant, pour qu'il y ait une morale, une société, un monde policé, que certaines valeurs soient prises au sérieux et considérées comme existant *a priori* ; il faut qu'il soit obligatoire *a priori* d'être honnête, de ne pas mentir, de ne pas battre sa femme, de faire des enfants, etc., etc.

Когда мы говорим о заброшенности (délaissement) — это выражение особенно дорого Хайдеггеру, — мы просто имеем в виду: Бога нет, и из этого следует делать выводы до конца. Экзистенциалист решительно выступает против той разновидности светской морали, которая

стремится устраниТЬ Бога с наименьшими издержками.

Когда около 1880 года французские преподаватели попытались создать светскую мораль, они, по сути, говорили следующее: Бог — это бесполезная и затратная гипотеза, мы её устранием, но для того, чтобы всё же существовали мораль, общество, упорядоченный мир, необходимо, чтобы некоторые ценности воспринимались всерьёз и считались существующими *a priori*; нужно, чтобы быть честным, не лгать, не бить жену, заводить детей и т. д. было предписано априорно.

(Пояснение переводчика: «*Dieu est une hypothèse inutile et coûteuse*» — «Бог — это бесполезная и затратная гипотеза». Сартр перефразирует позитивистскую риторику, придавая ей ироничный оттенок: устранение Бога не устраниет последствий его отсутствия.)

Nous allons donc faire un petit travail qui permettra de montrer que ces valeurs existent tout de même, inscrites dans un ciel intelligible, bien que, par ailleurs, Dieu n'existe pas. Autrement dit, et c'est, je crois, la tendance de tout ce qu'on appelle en France le radicalisme, rien ne sera changé si Dieu n'existe pas ; nous retrouverons les mêmes normes d'honnêteté, de progrès, d'humanisme, et nous aurons fait de Dieu une hypothèse périmée qui mourra tranquillement et d'elle-même.

L'existentialiste, au contraire, pense qu'il est très gênant

que Dieu n'existe pas, car avec lui disparaît toute possibilité de trouver des valeurs dans un ciel intelligible ; il ne peut plus y avoir de bien a priori, puisqu'il n'y a pas de conscience infinie et parfaite pour le penser ; il n'est écrit nulle part que le bien existe, qu'il faut être honnête, qu'il ne faut pas mentir, puisque précisément nous sommes sur un plan où il y a seulement des hommes.

Итак, они решили проделать небольшую работу, чтобы показать: даже если Бога нет, эти ценности всё равно существуют, вписанные в небесный разум, — *un ciel intelligible* — хотя, с другой стороны, Бога и не существует. Другими словами (и это, как мне кажется, общая тенденция всего того, что во Франции называют радикализмом): если Бога нет, ничего не изменится; мы по-прежнему найдём те же нормы честности, прогресса, гуманизма, а Бога мы превратим в устаревшую гипотезу, которая тихо умрёт сама собой.

Экзистенциалист же, напротив, считает отсутствие Бога крайне затруднительным, потому что вместе с ним исчезает всякая возможность найти ценности в каком-либо небесном разуме; не может быть добра *a priori*, потому что не существует бесконечного и совершенного сознания, чтобы его помыслить. Нигде не написано, что добро существует, что нужно быть честным, что не следует лгать, потому что мы находимся в мире, где есть только люди.

(Пояснение переводчика: «*ciel intelligible*» — «небесный разум». Сартр иронически использует платоновское

выражение: не существует области вневременных идей, откуда можно было бы черпать готовые ценности — ценности не даны, а создаются.)

Dostoïevsky avait écrit : « Si Dieu n'existe pas, tout serait permis. » C'est là le point de départ de l'existentialisme. En effet, tout est permis si Dieu n'existe pas, et par conséquent l'homme est délaissé, parce qu'il ne trouve ni en lui, ni hors de lui une possibilité de s'accrocher. Il ne trouve d'abord pas d'excuses. Si, en effet, l'existence précède l'essence, on ne pourra jamais expliquer par référence à une nature humaine donnée et figée ; autrement dit, il n'y a pas de déterminisme, l'homme est libre, l'homme est liberté. Si, d'autre part, Dieu n'existe pas, nous ne trouvons pas en face de nous des valeurs ou des ordres qui légitimeront notre conduite. Ainsi, nous n'avons ni derrière nous, ni devant nous, dans le domaine lumineux des valeurs, des justifications ou des excuses. Nous sommes seuls, sans excuses. C'est ce que j'exprimerai en disant que l'homme est condamné à être libre. Condamné, parce qu'il ne s'est pas créé lui-même, et par ailleurs cependant libre, parce qu'une fois jeté dans le monde, il est responsable de tout ce qu'il fait.

Достоевский писал: «Если Бога нет, то всё позволено». Это и есть отправная точка экзистенциализма. Действительно, если Бога нет — всё дозволено, и, следовательно, человек оказывается заброшенным, потому что он не находит ни в себе, ни вне себя никакой точки опоры. Прежде всего он не может оправдаться.

Если существование предшествует сущности, то никогда нельзя будет объяснить поступок, ссылаясь на какую-то заданную и неизменную человеческую природу; иначе говоря, нет никакого детерминизма — человек свободен, человек есть свобода.

А если, кроме того, Бога не существует, мы не найдём перед собой никаких ценностей или указаний, которые могли бы оправдать наши поступки. Таким образом, у нас нет ни за спиной, ни впереди, в «освещённом царстве ценностей», ни оправданий, ни извинений. Мы одни, без оправдания. Это я и выражаю словами: человек осуждён быть свободным. Осуждён — потому что он сам себя не создавал, но, оказавшись в мире, он ответственен за всё, что делает.

(Пояснение переводчика: «condamné à être libre» — «осуждён быть свободным». Парадоксальное выражение соединяет принудительность («condamné» — приговорён, осуждён) со свободой, подчёркивая, что свобода не выбор, а онтологическая неизбежность.)

L'existentialiste ne croit pas à la puissance de la passion. Il ne pensera jamais qu'une belle passion est un torrent dévastateur qui conduit fatalement l'homme à certains actes, et qui, par conséquent, est une excuse. Il pense que l'homme est responsable de sa passion. L'existentialiste ne pensera pas non plus que l'homme peut trouver un secours dans un signe donné, sur terre, qui l'orientera ;

car il pense que l'homme déchiffre lui-même le signe comme il lui plaît. Il pense donc que l'homme, sans aucun appui et sans aucun secours, est condamné à chaque instant à inventer l'homme.

Экзистенциалист не верит в силу страсти. Он никогда не подумает, что возвышенная страсть — это разрушительный поток, который неизбежно ведёт человека к определённым поступкам и потому может служить оправданием. Он считает, что человек ответственен за свою страсть.

Экзистенциалист также не полагает, что человек может найти опору в каком-либо знаке, данном на земле, который указал бы ему путь; потому что он уверен: человек сам истолковывает знак так, как ему угодно. Следовательно, человек, не имея ни опоры, ни поддержки, осуждён в каждый момент изобретать человека.

(Пояснение переводчика: «il est condamné à chaque instant à inventer l'homme» — «он осуждён в каждый момент изобретать человека». Здесь слово inventer важно: человек не обнаруживает готового образца, а каждый раз создаёт его заново, без гарантий и без внешнего эталона.)

Le désespoir

Quant au désespoir, cette expression a un sens extrêmement simple. Elle veut dire que nous nous bornerons à compter sur ce qui dépend de notre volonté, ou sur l'ensemble des probabilités qui rendent notre action possible.

Quand on veut quelque chose, il y a toujours des éléments probables. Je puis compter sur la venue d'un ami. Cet ami vient en chemin de fer ou en tramway ; cela suppose que le chemin de fer arrivera à l'heure dite, ou que le tramway ne déraillera pas. Je reste dans le domaine des possibilités ; mais il ne s'agit de compter sur les possibles que dans la mesure stricte où notre action comporte l'ensemble de ces possibles. À partir du moment où les possibilités que je considère ne sont pas rigoureusement engagées par mon action, je dois m'en désintéresser, parce qu'aucun Dieu, aucun dessein ne peut adapter le monde et ses possibles à ma volonté. Au fond, quand Descartes disait : « Se vaincre plutôt soi-même que le monde », il voulait dire la même chose : agir sans espoir.

ОТЧАЯНИЕ

Le désespoir

Quant au désespoir, cette expression a un sens extrêmement simple. Elle veut dire que nous nous bornerons à compter sur ce qui dépend de notre volonté, ou sur l'ensemble des probabilités qui rendent notre action possible.

Quand on veut quelque chose, il y a toujours des éléments probables. Je puis compter sur la venue d'un ami. Cet ami vient en chemin de fer ou en tramway ; cela suppose que le chemin de fer arrivera à l'heure dite, ou que le tramway ne déraillera pas. Je reste dans le domaine des possibilités ; mais il ne s'agit de compter sur les possibles que dans la mesure stricte où notre action comporte l'ensemble de ces possibles. À partir du moment où les possibilités que je considère ne sont pas rigoureusement engagées par mon action, je dois m'en désintéresser, parce qu'aucun Dieu, aucun dessein ne peut adapter le monde et ses possibles à ma volonté. Au fond, quand Descartes disait : « Se vaincre plutôt soi-même que le monde », il voulait dire la même chose : agir sans espoir.

Что касается отчаяния (*désespoir*), то это выражение имеет предельно простой смысл. Оно означает, что мы должны ограничиваться тем, что зависит от нашей воли, или от всей совокупности вероятностей, делающих наше

действие возможным.

Когда мы чего-то хотим, всегда вовлечены некие вероятностные элементы. Я могу рассчитывать на приезд друга. Этот друг добирается поездом или трамваем — что предполагает, что поезд прибудет вовремя, а трамвай не сойдёт с рельсов. Я остаюсь в пределах возможного; но нужно опираться на эти возможности только в той мере, в какой они действительно включены в рамки моего действия. С того момента, как рассматриваемые мною возможности не строго обусловлены моим действием, я должен перестать учитывать их, потому что ни один Бог, ни один замысел не может приспособить мир и его возможности к моей воле.

В сущности, когда Декарт говорил: «Побеждай скорее самого себя, чем мир», он имел в виду то же самое: действовать без надежды.

(Пояснение переводчика: «*agir sans espoir*» — «действовать без надежды». Эта формула звучит как вызов и одновременно как метод: не ждать от мира соответствия, а ограничиться тем, на что можешь воздействовать сам.)

Об особенностях перевода и судьбе текста

«Экзистенциализм — это гуманизм» — это не просто манифест философской школы, но публичное выступление, своего рода защита экзистенциализма перед недоброжелательной аудиторией. Сартр произнёс эту лекцию в 1945 году перед полным залом, и именно этот контекст во многом определяет её интонацию: это текст-обращение, текст-аргумент, текст-provokация. Он пишет для широкого слушателя — не академического философа, а «образованного современника», скептически настроенного, сбитого с толку, и, возможно, враждебного.

В переводе передача этой особой тональности стала главной задачей. Французский оригинал строится на живой, ритмически акцентированной прозе, с короткими перебивками, повторами, внутренними перекличками. Сартр часто использует нарочито простые конструкции для выражения предельно сложных идей: «человек — это тревога», «человек осуждён быть свободным», «я выбираю себя — и выбираю человека». Такие фразы не только философски насыщены, но и звуково выверены, почти афористичны. В русском переводе важно было сохранить и лаконизм, и звучание, и одновременно не упростить логику рассуждения. Отсюда — стремление не «переводить» философские выражения в обыденные, а наоборот, сохранить напряжение мысли внутри живого языка.

Другой важный аспект — это работа с французской грамматикой, особенно с возвратными конструкциями и употреблением определённого артикля. Сартр постоянно возвращается к одному и тому же слову в

разных формах, варьируя нюансы: *angoisse, engagement, essence, existence*. В русском языке такая игра возможна, но требует точного ритма. Например, фраза «*l'homme est d'abord ce qui se jette vers un avenir*» передана как «человек есть, прежде всего, как устремление к будущему» — чтобы сохранить образ движения, риска и произвольности, заложенный в глаголе *se jeter* («бросаться»).

Пояснения встраиваются сразу после соответствующих фраз — по ходу чтения. Это не сноски и не отвлечённые комментарии, а элемент текста, помогающий читателю ощутить «вес» и контекст высказываний. Например, пояснение к выражению *condamné à être libre* раскрывает парадоксальность сартровского тезиса: свобода — не дар, а приговор, она невыбираема, но неизбежна.

Особого внимания заслуживает философская судьба самого текста. Уже в 1950-е годы Сартр стал дистанцироваться от этого эссе, называя его «философски незрелым» и «излишне популярным». Он упрекал себя в том, что слишком упростил свою позицию, сделал экзистенциализм «гуманистическим» — в смысле, близким к буржуазному оптимизму. Позднее, в таких работах, как «*Критика диалектического разума*», он радикализирует свои взгляды, делает упор на историческое, коллективное измерение действия и отходит от подчеркнутой индивидуальности, звучащей в эссе 1945 года.

Однако именно эта лекция стала хрестоматийной, потому что в ней с поразительной ясностью выражены интуиции, которые волновали Европу на сломе эпох: личная свобода, тревога ответственности, мораль без Бога, действие без оправдания. В каком-то смысле это —

один из последних великих публичных философских жестов XX века, философия, проговорённая вслух. И именно поэтому он требует не только точного, но и чуткого перевода.

Конец книги

Переводчик будет рад диалогу с читателями.

Двуязычная версия книги во всех форматах удобных для чтения и скачивания, а также контакты переводчика, находятся на сайте <https://boriskriger.com/translations/>